

Приметы о скорой смерти и представления о переходе в иной мир карел-людиков

Сергей Андреевич Минвалеев

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН,

Петрозаводск, Россия

Введение. Автор обращается к религиозно-мифологическим представлениям о смерти одной из малоизученных этнических групп – карел-людиков. Цель исследования – выявить компоненты, из которых складывался мировоззренческий комплекс людиков, связанный с понятиями «душа», «смерть», «иной мир», включая приметы и символы.

Материалы и методы. Исследование основывается на архивных и полевых материалах, а также фольклорных текстах, словарях, образцах речи. Основной метод – сравнительно-исторический с применением этнолингвистического подхода.

Результаты исследования и их обсуждение. Людики и карелы в целом кончину определяли как акт отделения души от тела (*heng lähtöu* 'душа выходит', *heng lendau* 'душа улетает'), который происходит по воле предков (*syndyd*). С воззрениями финно-угорских народов о существовании второй души-тени у людиков связан термин *iče* (в начальном значении 'тень, душа'), а также представление о «родимчике» как предсмертном заболевании. К предвестникам смерти людики относили кукушку, дятла, петуха и курицу, необычное поведение которых (удар в окно, стук в стену дома) служило приметой скоропостижной смерти члена семьи. Русским влиянием можно объяснить христианские представления о том свете – месте воссоединения человека с Богом и православных праздниках как «благоприятных» датах для умирания.

Заключение. Как показал комплексный сравнительно-исторический анализ источников по похоронно-поминальной обрядности карел-людиков, в представлениях данной этнической группы о смерти и загробном мире выделяются компоненты прибалтийско-финского происхождения, общие финно-угорские и собственно карельские. При этом влияние славянских представлений о смерти на людиковские в рассматриваемых материалах прослеживается слабо, несмотря на длительность контакта русских и карел-людиков.

Ключевые слова: карелы-людики, похоронно-поминальная обрядность, загробный мир, смерть, приметы смерти

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания Карельского научного центра РАН (№ 121070700119-5).

Для цитирования: Минвалеев С. А. Приметы о скорой смерти и представления о переходе в иной мир карел-людиков // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 3. С. 304–314. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.304-314.

Введение

Похоронно-поминальная обрядность карел основывается на комплексе древних представлений о потустороннем мире и силах, связанных со смертью, взаимопроникновении мира живых и мира мертвых, душе и ее преображении. Традиционные взгляды на смерть у разных карельских этнических групп (ливвиков, людиков и т. д.) имели специфические черты, что обосновывается историей формирования данных общностей и их этнокультурными контактами. В этом

плане интерес вызывают карелы-людики¹, чья традиционная культура в работах фольклористов и этнографов долгое время не дифференцировалась и рассматривалась в рамках южнокарельской культуры. Формирование людиковской группы происходило в процессе длительного взаимодействия карельских и

¹ Согласно современному административному делению людики проживают в Кондопожском, Прионежском, Пряжинском и Олонецком районах Республики Карелия.

вепских племен в XI–XIV вв. Первые контакты предков людиков со славянами относятся к XIII в., а в XVIII в. на севернолудиковской территории стала развиваться металлургическая промышленность, в результате чего русское население начало стягиваться в ареал проживания карел-людиков, активно оказывая влияние на их быт и культуру. По сведениям финляндских исследователей, количество носителей лудиковского наречия к 2020 г. оценивалось в 150 чел. и оно продолжает сокращаться из года в год [21, 124]. Многие элементы обрядов и верований карел-людиков до сих пор мало изучены, поэтому исследования такого плана являются актуальными.

В настоящей статье рассматривается мировоззренческий комплекс карел-людиков, связанный с понятиями «душа», «смерть» и «иной мир», а также с приметами, предзнаменующими скорое наступление смерти. Цель исследования – определить этнические компоненты, из которых складывались религиозно-мифологические представления людиков о смерти и переходе в иной мир.

Обзор литературы

Исследование базируется на комплексе источников, в который вошли как опубликованные работы по рассматриваемой теме, так и архивные и полевые материалы. Из литературных источников непосредственно лудиковской похоронно-поминальной обрядности касаются заметка краеведа Н. Лескова о погребальных ритуалах святозерских людиков² и статья А. П. Конкка, сфокусированная на описании лудиковских кладбищ и их типологизации [7]. Помимо этого имеются общие труды по семейным обрядам карел конца XIX – начала XX в. (работы Ю. Ю. Сурхаско [17], У. С. Конкка [9], А. П. Конкка [8] и др.), но в них, как правило, лудиковские похоронные обряды

не выделяются из общекарельского массива.

Сравнительным материалом послужили работы по похоронно-поминальной обрядности других локальных групп карел³ [11; 13] и соседних народов: вепсов⁴, русских (и шире – славян) [1; 4; 5; 12; 19], финно-угорских народов в целом⁵ [10; 14; 16; 18].

Материалы и методы

В качестве основных материалов были использованы полевые отчеты и рукописи российских и финляндских исследователей, хранящиеся в Научном архиве Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ) и Фольклорном архиве Финского литературного общества (SKS), а также полевые материалы различных собирателей, в том числе самого автора. Последние охватывают почти все крупные населенные пункты проживания карел-людиков: села Михайловское (Олонецкий район), Святозеро (Пряжинский район), Кончезеро, Спасская Губа (Кондопожский район). Аудиозаписи экспедиций хранятся в Фонограммархиве Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ФА ИЯЛИ)⁶.

Ключевым методом работы стало сравнительно-историческое описание изучаемых явлений с опорой на указанные выше источники. Основная стратегия сравнительно-исторического анализа обращена на выявление сходных и отличительных черт некрокультуры карел-людиков и соседних народов (русских, вепсов) и других этнических групп карел Республики Карелия в определенный период, датируемый концом XIX–XX в. В исследовании применялся также этнолингвистический подход, заключавшийся в определении соотношений и связей изучаемых явлений в прибалтийско-финских языках, в частности в карельских наречиях. Для этого в качестве дополнительных источников были привле-

² См.: Лесков Н. Ф. Погребальные обряды кореляков // Живая старина. 1894. Вып. 3–4. С. 511–514.

³ См.: Петров К. Похороны и поминки // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 15. С. 53–54.

⁴ См.: Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энцикл. Петрозаводск, 2015.

⁵ См.: Изгибаева Г. М. Похоронно-поминальные обряды марийцев Республики Башкортостан: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2018.

⁶ Аудиофонды Фонограммархива экспедиций к карелам-людикам: № 3804–3827 (Олонецкий и Пряжинский районы Республики Карелия, 2012 г.), № 3804–3827 (Кондопожский район Республики Карелия, 2016 г.).

чены данные диалектных и этимологических словарей⁷, сборников фольклорных текстов⁸ и образцов людиковской речи финляндского лингвиста П. Виртаранта⁹.

Результаты исследования и их обсуждение

Представления карел-людиков о душе, смерти и загробном мире

В карельских, в том числе людиковских, причитаниях кончина понимается как воля предков (*syndyd*), которые призывали к себе человека [9, 36]. В них отражаются представления народа о том, что после смерти душу покойного встречают прародители (как и в свадебных причитаниях, к ним применяется эпитет «белые»): «*Vastattihgo valgedad syndyd?*» «Встретили ли тебя белые предки?»¹⁰.

Смерть у людиков обозначалась двумя синонимичными терминами прибалтийско-финского происхождения: *surt* и *kuolend* (ср.: соб. кар. *šurta*, ливв. *surmi*, вепс., эст. *surt*, вод., фин. *surma*; соб. кар. *kuolota*, ливв. *kuolendu*, вепс. *kolend*, фин. *kuolema*)¹¹. Кончина воспринималась народом как акт отделения души от тела, а сам момент смерти обозначался следующими выражениями: *heng lähtöu* ‘душа выходит’; *hengi läht’i iäreh ristikaazas* ‘душа покинула человека’; *heng lendau* ‘душа улетает’; *piäz iäre hengi* ‘оставила душа’¹². Аналогично исход души именовали финны и собственно карелы – *hengenlähtö* (‘букв.: уход души’) [9, 38], а также вепсы – *heng l’äks’* (‘душа ушла’)¹³. Смерть людики констатировали словами *henged eule* ‘нет души’, а местонахождением души (*hengen*

koht) считали подложечную область¹⁴. Это общекарельское представление о нахождении души и ее отделении от тела находит подтверждение в словах жителя карельского Сегозерья, побывавшего в переходном состоянии между жизнью и смертью в результате черепно-мозговой травмы: «не-что поднимающееся от солнечного сплетения к горлу» [13, 253].

Попадание в загробный мир (кар., фин. *Manala, Tuonela*) карелы и финны, как и многие другие народы, связывали с преодолением душой умершего различных препятствий, стоящих на его пути [8, 195–196; 10, 23]. В некоторых людиковских поселениях бытовала традиция собирать и хранить выпавшие волосы, служившие после смерти человека наполнителем подушки для гроба¹⁵. По общекарельским представлениям, волосы и ногти, которые собирались при жизни и помещались после смерти в гроб, должны были помочь душе умершего совершить тяжелый путь в загробный мир, преодолеть крутые горы и перебраться через глубокие ущелья [8, 195]. В южных районах Карелии известны рассказы о прохождении душой каменной (или стеклянной) горы, в Беломорской Карелии – о переходе водной или огненной преграды [7, 229–230]. В сообщении уроженца севернолудиковской деревни Галлезеро (Кондопожский район) Степана Годарева река потустороннего мира была именно огненной¹⁶ – этот нарратив свойствен мифологическим представлениям собственно карел о царстве мертвых. Специфический карельский термин, обозначающий загробный мир у людиков, в рассматриваемых материалах не удалось обнаружить. Жите-

⁷ См.: Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков / под общ. ред. Ю. С. Елисеевой и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007; Kujola J. *Lyydiläismurteiden sanakirja*. Helsinki, 1944; Tanner S., Chonstedt M. *Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa 7: Sanahakemisto*. Helsinki, 1981. S. 1908–2293.

⁸ См.: Карельские причитания / сост. А. С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск, 1976; Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым / изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб., 1997. Т. 1. Похоронные причитания; Pahomov M. *Kondan Kalndan: Kujärven lüüdin rahvhansana*. Helsingi; Võro, 2012.

⁹ См.: Virtaranta P. *Lyydiläisiä tekstejä. Osa 3*. Helsinki, 1964.

¹⁰ Лесков Н. Ф. Указ. соч. С. 513.

¹¹ См.: Сопоставительно-ономасиологический словарь. С. 142; Kujola J. *Op. cit.* S. 171, 410; Tanner S., Chonstedt M. *Op. cit.* S. 2001, 2019, 2056.

¹² ФА ИЯЛИ. № 3830/13, 3844/11, 3846/12; Kujola J. *Op. cit.* S. 68, 171, 410.

¹³ См.: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 48.

¹⁴ См.: Kujola J. *Op. cit.* S. 68.

¹⁵ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 279. Л. 66.

¹⁶ См.: Virtaranta P. *Op. cit.* S. 207.

ли д. Лижмы (Пряжинский район) говорят про умершего, что он находится «с Богом» (*Jumalot'kera*)¹⁷, – это можно трактовать как влияние христианских воззрений.

В традиционном мировоззрении финно-угорских народов были распространены представления о двух и более душах у человека: у коми *орт* ‘душа-тень, двойник человека’ и *лов* ‘дыхание, жизнь’; у удмуртов *урт* ‘душа-двойник’ и *лул* ‘душа-дыхание’; у марийцев *орт* ‘бестелесный двойник человека’, *чон* ‘жизненная сила’, *шўлыш* ‘дыхание, с которым при последнем выдохе выходила и душа *чон*’ и т. д. [10, 6; 16, 125]¹⁸. У людиков зафиксировано только одно название для обозначения души, с последним вздохом покидающей тело человека, – *heng*. Аналогичное название встречается у других прибалтийско-финских народов: фин. *henki*, соб. кар. *henki*, ливв. *hengi*, вепс. *heng*, эст. *heng*¹⁹. В финском языке помимо своего основного значения ‘дух, душа’ оно имеет еще и значение ‘воздух’ в выражении *haukkoa henkeä* ‘глотать воздух’²⁰. Дело в том, что душа, *heng*, связана с дыханием человека: слова *heng* ‘душа’ и *hengittada* ‘дышать’ являются однокоренными как в людиковском наречии, так и в других прибалтийско-финских языках²¹. У людиков был распространен обычай ставить у изголовья умирающего сосуд с водой – своеобразное водное пространство, через которое, по народным верованиям, осуществлялись переход души и ее очищение²². Похожие действия были распространены среди остальных карел, а также среди финно-угорских, тюркских и восточнославянских народов [12, 358; 14, 484; 18, 207]²³. Душа, выйдя из тела, должна была ополоснуть-

ся в «холодной подушке»; при этом, как утверждали святозерские людики, поверхность воды чуть колыхалась²⁴.

Карелы верили в возможность прихода покойника в мир живых, но, по народным убеждениям, это был уже не прежний живой человек, а часть враждебного загробного мира, воплощенная во второй подвижной душе-тени [8, 197]. В финно-угорской концепции множественности душ были развиты верования в существование души-тени, которая могла покидать тело человека во время сна, представлять самого человека или его «эго» и возвращаться к живым после смерти в виде призрака. У хантов эта душа называлась *is*, у мордвы – *es*, у саамов – (*j*)*ies*, у финнов – *itse*²⁵. Данные наименования второй души скорее всего имеют общее прафинно-угорское происхождение. Например, лингвист А. А. Волкова доказала, что эрзя-мордовское местоимение *es* ‘грамматикализовано из допермского *ič'e, означавшее ‘тень, дух, душа’ [3, 547].

В настоящее время в финском, карельском и вепсском языках местоимение *itse/iče* означает ‘сам, сама, само’²⁶. В вепсском языке *iče* входит составной частью в наименования заболеваний *ičhiin'e* ‘эпилепсия’ и *ičeze pahuz'* ‘родимчик’, сопровождающихся потерей сознания, самоконтроля, что И. Ю. Винокурова рассматривает как след былых представлений финно-угорского происхождения о душе-тени *iče*²⁷. Возможно, отголосок данных воззрений сохранился и у жителей обрусевшего к XX в. села Шуя (Прионежский район), которые полагали, что у каждого человека перед смертью «случается родимчик»^{28,29}.

¹⁷ ФА ИЯЛИ. № 3824/6.

¹⁸ См. также: Изибаева Г. М. Указ. соч. С. 48.

¹⁹ См.: Сопоставительно-ономазиологический словарь. С. 144; Tanner S., Chonstedt M. Op. cit. S. 2027.

²⁰ См.: Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь. М., 2007. С. 107.

²¹ См.: Сопоставительно-ономазиологический словарь. С. 99.

²² См.: Лесков Н. Ф. Указ. соч. С. 511.

²³ См. также: Изибаева Г. М. Указ. соч. С. 49; Куликовский Г. И. Похоронные обряды Обонежского края // Этнографическое обозрение. 1890. № 1, кн. 4. С. 49; Петров К. Указ. соч. С. 53.

²⁴ См.: Лесков Н. Указ. соч. С. 511.

²⁵ См.: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 48.

²⁶ См.: Сопоставительно-ономазиологический словарь. С. 79; Kujola J. Op. cit. S. 93.

²⁷ См.: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 48.

²⁸ По общекарельским представлениям, данное заболевание является причиной большинства детских смертей [15, 27].

²⁹ Шуя, июнь 1929: быт севернорусской деревни / сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск, 2006. С. 55.

Приметы, связанные со смертью и душой человека

С представлениями о душе и ее воплощениях связаны и разнообразные приметы, предсказывающие смерть человека. Многие из них касаются необычного поведения птиц. Карелы, как и соседние вепсы и русские, считали, что любая птица, которая ударилась в окно, постучала в него или в стену дома, являлась вестником смерти для кого-либо из членов семьи³⁰ [12, 424]³¹. Эти приметы до сих пор бытуют у людиков повсеместно³².

В плачах народов Европейского Севера, в частности карельских, отразилось древнее мировоззрение, согласно которому душа умершего воплощается в образах летающих представителей фауны: птицы (воробья, кукушки, утки; у людиков – ласточки, чайки) или бабочки либо в совмещенном образе «птички-бабочки» (люд. *liipoi-linduine*)³³ [8, 197]³⁴. Дело в том, что карелы, как и вепсы, бабочку относили к классу птиц³⁵. Этот образ встречается в людиковских похоронных плачах, в просьбе к умершему «прилететь хоть птичкой-бабочкой», чтобы навестить своих родственников, развеселить, приласкать или успокоить горюющих³⁶.

Карелы-людики со смертью связывали поведение таких птиц, как кукушка, дятел, петух и курица. Плохим предзнаменованием было кукование кукушки около дома. Единичные сообщения из Михайловского свидетельствуют о том, что поверья о кукушке имеют позитивный характер: «В одно время говорили, что хорошее сообще-

ет, в другое время стали уже говорить, что *kägöi* если *kukkuu*³⁷ около дома – значит, опять будет что-то связано со смертью»³⁸; «Кукушка кукует, если ты на улице, в первый раз кукует, то говорят: очень хорошо. А когда в доме услышишь, то это уже похуже»³⁹. По мнению И. Ю. Винокуровой, в вепской традиции кукушка – предсказательница, причем в основном плохих событий: неурожая, бед, болезней, смерти, пожара, но в то же время богатства и бедности, денег и их отсутствия⁴⁰. В карельской эпической традиции и в эпосе «Калевала» распространен более жизнеутверждающий символизм кукушки – связь с солнцем, образ предвестницы весны и лета, богатства [2, 257]. Возможно, в людиковских сообщениях отразилось переплетение вепских (или славянских [5, 705–706]) и карельских традиций. У многих народов по крику кукушки проводились гадания о числе оставшихся лет жизни. У михайловских людиков обнаружена характерная для карел связь кукушки с солнцем – символом жизни: если кукушка кукует со стороны восхода солнца, то проживешь еще долго, а если с захода, то оставшийся срок жизни будет небольшим⁴¹.

Дурным предзнаменованием считалось также, если дятел стучал в стену дома: *pokoinikaks om d'atel* ‘дятел к покойнику’⁴². Такая примета является универсальной, о чем свидетельствует ее география: сходные представления были распространены у вепсов, восточнославянских народов, а также в Норвегии, Финляндии [5, 714–715]⁴³.

Петух и курица – домашние птицы, занимающие особое место в атрибутике

³⁰ Ю. С. Шанина интерпретирует стук в доме как представляемый живыми людьми коммуникативный акт мертвых с домочадцами (душа покойного скрипит половицами, птица стучит в окно и т. д.), связанный со страхом и оповещением о случившейся смерти или скорой кончине кого-то из жителей дома [20].

³¹ См. также: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 20; Карельские причитания. С. 418; SKS. Läho 1942, № 6692.

³² ФА ИЯЛИ. № 3820/7, 3834/20, 3845/25, 3846/13.

³³ Ср.: у обских угров душа-дыхание *лил* представлялась в виде птицы (кукушки, утки, сокола, чайки, куро-патки) или комара [18, 208].

³⁴ См. также: Лесков Н. Ф. Указ. соч. С. 511.

³⁵ См.: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 247.

³⁶ См.: Карельские причитания. С. 410–431.

³⁷ Кукушка если кукует (перевод автора).

³⁸ ФА ИЯЛИ. № 3822/24.

³⁹ Там же. № 3834/20.

⁴⁰ См.: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 224.

⁴¹ ФА ИЯЛИ. № 3807/14.

⁴² Там же. № 3807/12.

⁴³ См. также: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 432.

похоронно-поминальной обрядности у многих народов [4, 56]⁴⁴. В людиковской деревне Сопоха (Кондопожский район) умершего от сыпного тифа хоронили вместе с живым петухом, олицетворяющим это заболевание, в гробу, который заколачивали гвоздями, пытаясь таким образом остановить распространение заболевания⁴⁵. Обычай захоронения больных с живым петухом (вариант – с кошкой) был распространен среди карел и других народов бывшего СССР⁴⁶. В Галлезере про старого человека, передвигавшегося с палкой в руках, говорили: “*Täll on d’o asteged lühettu kui kukuoil, t’ämä ei hät’ked nügüde elä*” («Его шаги уже укорачиваются, как у петуха, ему недолго теперь жить»)⁴⁷. Среди михайловских людиков существовало поверье, что курица, запевшая петухом, – к смерти⁴⁸. У жителей Михайловского и Галлезера бытовала примета о том, что вечером или ночью петух поет перед покойником⁴⁹. Идентичная примета зафиксирована у вепсов: крик петуха в «непоказанное» время (днем или вечером) предвещал плохие вести для обитателей дома⁵⁰.

Вестницей смерти у людиков считалась залетевшая в дом бабочка. Народ часто воспринимал ее как визит умершего: насекомому нельзя было ни в коем случае причинять вред, тем более убивать его. Следовало открыть все двери дома настежь и помахать каким-нибудь предметом, чтобы бабочка сама нашла путь на волю⁵¹. Сходное сакральное отношение к залетевшим в дом бабочкам, особенно во время похорон или поминок, обнаруживается у карел-ливвиков Пряжинского района, русских, вепсов и марийцев [19, 51]⁵². Еще Е. В. Барсов в 1872 г. отмечал, что ба-

бочку в Олонецкой губернии положительно называют «чьей-нибудь душенькой»⁵³.

Сон как пограничное состояние между жизнью и смертью часто представляется пространством соприкосновения с иным миром. Михайловские людики предсказывали скоростижную смерть кого-нибудь из сородичей, если во сне видели человека⁵⁴, плывущего на белой лодке в сторону кладбища⁵⁵. Визит во сне умершего близкого родственника был еще одним способом контакта с живыми. В людиковских причитаниях часто звучал призыв к покойнику явиться во сне (например, в том же образе «птички-бабочки») и «рассказать о житье на том свете», передать «свежие весточки» покойным родственникам:

*Ala d’o siä mindaa unohta,
tule d’o siä minun no uniiš,
sanu siä, kutt siga eloižed.
Miä roskažin silii kaiken
oman eluižen, oman obidaižen.*

«Ты уже меня не забудь,
приди уже ко мне во сне,
скажи ты, как там жизньюшка.
Я расскажу тебе все
о своей жизньюшке,

о своей обидушке» (с. Михайловское)⁵⁶;

*Opi sulembil sanaizil, sulgaizeni,
suladelta häntä,
eigo hod’liipoi-linduižinnu tule da sigi-unuižih
hod’uinonnet, ga ozutelda da sanele siuleis.*

«Постарайся, мое перышко, приласкать
его ласковыми словами,
не прилетит ли он хоть птицей-бабочкой,
И как заснешь крепким сном,
так не покажется ли во сне и не поговорит
ли с тобой» (с. Святозеро)⁵⁷.

У многих народов отмечается отождествление дерева с человеком и его жиз-

⁴⁴ См. также: Изгибаева Г. М. Указ. соч. С. 113.

⁴⁵ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 32. Д. 1. Л. 3.

⁴⁶ Там же. Д. 15. Л. 24.

⁴⁷ Virtaranta P. Op. cit. S. 202.

⁴⁸ SKS. Laiho 1942, № 6696.

⁴⁹ Там же. № 6691, 6697; Virtaranta P. Op. cit. S. 202.

⁵⁰ См.: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 198–199.

⁵¹ ФА ИЯЛИ. № 3823/14, 3844/12, 3834/20.

⁵² Там же. № 3841/10; Изгибаева Г. М. Указ. соч. С. 37.

⁵³ См.: Причитания Северного края. С. 13.

⁵⁴ Судя по архивному источнику, это не обязательно мог быть родственник или знакомый сновидца, а просто образ человека.

⁵⁵ SKS. Klemola 1957, № 18422.

⁵⁶ Pahomov M. Op. cit. S. 128.

⁵⁷ Карельские причитания. С. 413, 423.

ненным циклом, в том числе со смертью. Мифологические представления карел о ели как дереве предков проявляются в выборе еловых рощ для старинных кладбищ [6, 117–118]. Падение ели или другого хвойного дерева предвещало скорейшую смерть кого-либо из родственников. Так, информант 1928 г. р. из д. Палнаволок (Олонецкий район) сообщила, что перед смертью ее сына дерево у их дома обвалилось в результате непогоды. Это дерево она несколько раз назвала сначала *ped'* ('сосна'), а потом по-русски ёлкой, что, видимо, говорит о сходных сакральных свойствах данных деревьев⁵⁸. В Спасской Губе записано сообщение, что падение любого дерева предсказывает гибель кого-нибудь из односельчан⁵⁹. Данную примету можно отнести к общекарельским⁶⁰.

Определенные дни в году и природные явления считались благоприятными для отхода в мир иной. Желанной была смерть в Пасху (у михайловских людиков – в любой православный праздник) – душа в таком случае обязательно попадает в рай⁶¹, что связано с христианским учением [1, 180]. У северных карел-людиков хорошим знаком было появление радуги в момент смерти⁶². По всей вероятности, людики, как и прионежские вепсы, считали радугу своеобразным мостом, по которому покойники переправляются в место вечного пребывания. Аналогичные представления о радуге существуют и у народов германской языковой группы, их источником служат древние скандинавские мифы⁶³.

Заключение

Таким образом, сравнительно-исторический анализ мифологических представлений людиков о смерти, переходе в иной мир и образов предвестников кончины позволил выделить несколько этнических компонентов, из которых сформировался

данный комплекс в среде людиковской группы.

Как известно, похоронно-поминальной обрядности свойственна наибольшая консервативность пронизывающих ее ритуалов по сравнению с другими обрядами жизненного цикла [8, 195]. Это позволило сохраниться в ней многим компонентам общего прибалтийско-финского происхождения. Кончину людики определяли как акт отделения души от тела, который происходит по воле предков (*syndyd*). Аналогичные представления о наступлении смерти были известны остальным карелам, финнам, вепсам. По всей вероятности, они относятся к общеприбалтийско-финскому периоду. Компонентами прибалтийско-финского происхождения (и шире – финно-угорского) можно считать отголоски верований о существовании второй души-тени, выраженные в термине *iče*, и о предсмертном заболевании – родимчике. Прибалтийско-финский пласт включает также лексику: *heng* 'душа', *surm*, *kuolend* 'смерть', *heng lähtöu* 'душа выходит', *heng lendau* 'душа улетает' и т. д.

У людиков прослеживаются и общекарельские воззрения о местонахождении души (*hengen koht*) в подложечной области и связи разных пород деревьев со смертью человека: предсказания смерти при падении сосны, ели (Михайловское) или любого дерева (Спасская Губа). У михайловских людиков обнаружены характерные для карел представления о связи кукушки с солнцем; у кондопожских – о преодолении душой огненной реки, свойственные северным карелам.

Некоторые аналогии обнаруживаются с финно-угорскими и индоевропейскими народами, это касается связи дятла или курицы (петуха) со смертью, сакрального отношения к залетевшей бабочке, символизирующей визит души умершего, пред-

⁵⁸ ФА ИЯЛИ. № 3812/1.

⁵⁹ Там же. № 3834/20.

⁶⁰ Например, сямозерские ливвики причиной преждевременной смерти считали намеренное срубание деревьев, которым приписывался особый общедеревенский статус (например, места, где собиралась молодежь) или чьих-нибудь именных деревьев [11, 291].

⁶¹ ФА ИЯЛИ. № 3805/12, 3810/3, 3813/26, 3844/13.

⁶² Там же. № 3830/16/

⁶³ См.: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 148; Энциклопедия суеверий: по материалам британского и русского фольклора / сост. Э. и М. А. Рэдфорд, Е. Миненок; пер. с англ. Д. Гайдук. М., 1998. С. 363–364.

ставления о радуге – мосте в иной мир. Эти и другие древние воззрения карел-люди-ков (например, о нахождении загробного мира за водой или другой преградой, преодолении душой сложного пути к нему) являются универсальными, характерными для многих народов.

Несмотря на длительные контакты с русским населением, собственно славянский комплекс представлений о смерти выражен у карел-люди-ков слабо. Влияние русской культуры проявилось главным образом через христианские понятия о существовании рая (душа находится «с Богом») и о православных праздниках (Пасха) как «благоприятных» датах для умирания.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>вепс.</i> –	вепсский язык
<i>вод.</i> –	водский язык
<i>кар.</i> –	карельский язык
<i>ливв.</i> –	ливвиковское наречие карельского языка
<i>люд.</i> –	люди-ковское наречие карельского языка
<i>НА</i>	Научный архив Карельско-го научного центра РАН
<i>КарНЦ</i> –	
<i>соб. кар.</i> –	собственно карельское на-речие карельского языка
<i>ФА</i>	Фонограммархив Института язы-ка, литературы и истории Карель-ского научного центра РАН
<i>ИЯЛИ</i> –	
<i>фин.</i> –	финский язык
<i>эст.</i> –	эстонский язык
<i>SKS</i> –	Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kansanrunousarkisto (Фольклор-ный архив Общества финской литературы, г. Хельсинки)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб.: Петерб. востоковедение, 2000. 395 с.
2. Винокурова И. Ю. Мифологические представления о птицах в вепсской традиции и карело-финском эпосе // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полн. изд. «Калевалы». Петрозаводск, 2010. С. 251–259.
3. Волкова А. А. Синтаксические особенности возвратных местоимений в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы: сб. ст. М., 2012. С. 543–590.
4. Голубкова О. В. Орнитоморфная символика похоронного обряда в локальных вариантах славянских культовых традиций // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири: сб. ст. памяти Юго Юльевича Сурхаско. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2009. Вып. 2. С. 55–65.
5. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 910 с.
6. Конкка А. П. Ель с золотой вершиной, или Дерево предков (материалы по карельской мифологии и обрядности) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 7. С. 113–121. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.238.
7. Конкка А. П. Материалы похоронной обрядности и типологии сельских кладбищ люди-ковского ареала // История и традици-онная культура народов Карелии и опре-дельных областей в свете новых источни-ков, методов и подходов (памяти Р. Ф. Ни-кольской). Петрозаводск, 2017. С. 219–237.
8. Конкка А. П. Похоронно-поминальная об-рядность // Народы Карелии: ист.-этногр. очерки. Петрозаводск, 2019. С. 194–209.
9. Конкка У. С. Поэзия печали: Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1992. 295 с.
10. Лимеров П. Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 1998. 128 с.
11. Логинов К. К. Семейная обрядность. Похоронно-поминальная обрядность // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 291–300.
12. Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.: Русский фонд содействия образованию и науке; Петрозаводск: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. 424 с.
13. Логинов К. К., Краснопольская Т. В. Будни и праздники. Семейные обряды // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. С. 237–256.
14. Мокшин Н. Ф. Языческие верования морд-вы и ее христианизация // Мордва. Очерки

- по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск, 2004. С. 475–497.
15. Пашкова Т. В. Испуг как причина и способ лечения заболеваний в народной медицине карел // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 5. С. 26–29.
 16. Садиков Р. Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2008. 231 с.
 17. Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел, конец XIX – начало XX в. / отв. ред. Е. И. Клементьев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. 172 с.
 18. Федорова Е. Г. Представления о смерти, мире мертвых и погребальный обряд обских угров // Мифология смерти: Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: этногр. очерки. СПб., 2007. С. 198–219.
 19. Чухина А. А. Свадьба, родины и похороны в Каргополье // Живая старина. 2004. № 2. С. 49–51.
 20. Шанина Ю. С. Акустический код кладбища д. Родома Лешуконского района // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре. М., 2015. С. 162–181.
 21. Nakala H. Lyydin verkkosanakirja valmistui // Karjalan Heimo. 2020. No. 7–8. S. 124–126.

Поступила 05.06.2022; одобрена 19.06.2022; принята 22.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

С. А. Минвалеев – младший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, minvaleevs@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1079-4604>

Ludians' harbingers of impending death and their representations of transition to the underworld

Sergei A. Minvaleev

*Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia*

Introduction. The author studies religious and mythological representations regarding the death of one of a little-studied ethnic groups which are Ludian Karelians. The purpose of the study is to identify the components that formed the worldview complex of the Ludians associated with the concepts of "soul", "death", "underworld", including signs and symbols.

Materials and Methods. The research is based on the archives and field studies as well as folklore texts, dictionaries, speech samples. It employs the comparative-historical method and the ethnolinguistic approach.

Results and Discussion. In general, the Ludians as well as the Karelians defined death as an act of separation of the soul from the body (*heng lähtöu* 'the soul leaves', *heng lendau* 'the soul flies away'), and it occurs upon the will of the ancestors (*syndyd*). Among the Ludians the term *iče* (in the initial meaning 'shadow, soul') is associated with the representations of the Finno-Ugric people of the existence of the second shadow-soul as well as the idea of "rodimchik" as the terminal illness. Ludian believed that unusual behavior of a cuckoo, a woodpecker, a rooster and a chicken (knocking at the window, knocking on the wall of the house) can be interpreted as the impending death of a family member. The Russian influence on Ludians is associated with Christian ideas about the underworld as the place of the reunion of a human being with God and Orthodox holidays as "favorable" dates for dying.

Conclusion. According to a comprehensive comparative-historical analysis of the sources of the funeral and memorial rites of Ludian Karelians, the components of the Baltic-Finnish, common Finno-Ugric and Karelian origin can be distinguished in the representations of Ludians of the death and the underworld. At the same time, the influence of Slavic ideas of the death on Ludians is traced weakly in the materials under consideration, despite the length of contact between Russians and Ludian Karelians.

Keywords: Karelians, Ludians, funeral and memorial rites, underworld, death, harbingers of death

Acknowledgments: The article was prepared under state assignment of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (project 121070700119-5).

For citation: Minvaleev SA. Ludians' harbingers of impending death and their representations of transition to the underworld. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;3:304–314. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.03.304-314.

REFERENCES

1. Bernshtam TA. Youth in the Symbolism of the Transitional Rites of the Eastern Slavs: The Teaching and Experience of the Church in Folk Christianity. Saint-Petersburg; 2020. (In Russ.)
2. Vinokurova IYu. Mythological ideas about birds in the Vepsian tradition and the Karelian-Finnish epic. "*Kalevala*" v kontekste regional'noi i mirovoi kul'tury: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posviashch. 160-letiiu poln. izd. "*Kalevaly*" = "*Kalevala*" in the context of regional and world culture. Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 160th anniversary of the complete edition of "*Kalevala*". Petrozavodsk; 2010:251–259. (In Russ.)
3. Volkova AA. Syntactic features of reflexive pronouns in the Finno-Ugric languages. *Finno-ugorskie iazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniia. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody: sb. st.* = Finno-Ugric languages: fragments of a grammatical description. Formal and functional approaches. Collection of articles. Moscow; 2012:543–590. (In Russ.)
4. Golubkova OV. Ornithomorphic symbolism of the funeral rite in local variants of Slavic cult traditions. *Problemy dukhovnoi kul'tury narodov Evropeiskogo Severa i Sibiri: sb. st. pamiati Iugo Iul'evicha Surkhasko. Gumanitarnye issledovaniia* = Problems of spiritual culture of the peoples of the European North

- and Siberia. Collection of articles in memory of Yugo Yulievich Surhasko. Humanitarian research. Petrozavodsk; 2009;2:55–65. (In Russ.)
5. Gura AV. The symbolism of animals in the Slavic folk tradition. Moscow; 1997. (In Russ.)
 6. Konkka AP. Spruce with golden top or Tree of ancestors (materials on Karelian mythology and ceremonial rites). *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Proceedings of Petrozavodsk State University. 2018;7:113–121. (In Russ.). DOI: 10.15393/uchz.art.2018.238.
 7. Konkka AP. Materials of funeral rites and typology of rural cemeteries of the Ludikov area. *Istoriia i traditsionnaia kul'tura narodov Karelii i sopredel'nykh oblastei v svete novykh istochnikov, metodov i podkhodov (pamiati R. F. Nikol'skoi)* = History and Traditional Culture of the Peoples of Karelia and adjacent regions in the light of new sources, methods and approaches (in memory of R. F. Nikolskaya). Petrozavodsk; 2017:219–237. (In Russ.)
 8. Konkka AP. Funeral and memorial rites. *Narody Karelii: ist.-etnogr. ocherki* = Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays. Petrozavodsk; 2019:194–209. (In Russ.)
 9. Konkka US. Poetry of sorrow: Karelian ritual laments. Petrozavodsk; 1992. (In Russ.)
 10. Limerov PF. Mythology of the underworld. Syktyvkar; 1998. (In Russ.)
 11. Loginov KK. Family ritual. Funeral and memorial rites. *Istoriia i kul'tura Siamozher'ia* = History and culture of Syamozero. Petrozavodsk; 2008:291–300. (In Russ.)
 12. Loginov KK. Traditional life cycle of Russian Vodlozero: rituals, customs and conflicts. Moscow; Petrozavodsk; 2010. (In Russ.)
 13. Loginov KK, Krasnopol'skaia TV. Weekdays and holidays. Family rituals. *Derevnia Iukoguba i ee okrug* = The village of Yukoguba and its surroundings. Petrozavodsk; 2001:237–256. (In Russ.)
 14. Mokshin NF. Pagan beliefs of the Mordovians and its Christianization. *Mordva: ocherki po istorii, etnografii i kul'ture mordovskogo naroda* = Mordva. Essays on the history, ethnography and culture of the Mordovian people. Saransk; 2004:475–497. (In Russ.)
 15. Pashkova TV. Fear as a cause and method of treating diseases in Karelian folk medicine. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Proceedings of Petrozavodsk State University. 2016;5:26–29. (In Russ.)
 16. Sadikov RR. Traditional religious beliefs and rituals of the Zakama Udmurts (history and modern development trends). Ufa; 2008. (In Russ.)
 17. Surkhasko IuIu. Family rituals and beliefs of the Karelians, late XIX – early XX centuries. Leningrad; 1985. (In Russ.)
 18. Fedorova EG. Ideas about death, the world of the dead and the funeral rite of the Ob Ugrians. *Mifologiya smerti: Struktura, funktsiia i semantika pogrebal'nogo obriada narodov Sibiri: etnogr. ocherki* = The mythology of death: The structure, function and semantics of the funeral rite of the peoples of Siberia. Ethnographic essays. Saint-Petersburg; 2007:198–219. (In Russ.)
 19. Chukhina AA. Wedding, homeland and funeral in Kargopol. *Zhivaia starina* = Living antiquity. 2004;2:49–51. (In Russ.)
 20. Shanina IuS. Acoustic code of the cemetery of the village of Rodoma, Leshukonsky district. *Memento Mori: pokhoronnye traditsii v sovremennoi kul'ture* = Memento Mori: Funeral Traditions in Modern Culture. Moscow; 2015:162–181. (In Russ.)
 21. Hakala H. Lyydin verkkosanakirja valmistui. *Karjalan Heimo*. 2020;7–8:124–126.

Submitted 05.06.2022; reviewing 19.06.2022; accepted 22.06.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

S. A. Minvaleev – Junior Research Fellow, Department of Ethology, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, minvaleevs@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1079-4604>